

«БЕССМЕРТНЫЕ ЗВЕЗДЫ РУСИ»

Пророческий гений Н.Рубцова.

Здесь каждый славен — мертвый и живой!
И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвою,
Перекликаясь с теми, кто прошел,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошел
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пройдет через века!

Это слово певца и радетеля России русского поэта Николая Рубцова, сказавшего вещее: “Россия, Русь! Храни себя, храни!” Россия-Русь — этим двуединным словом так много сказано и еще больше не сказано. Русь сказанная, но еще более несказанная, лишь Богу ведомая. Величайшие поэты России стремились сказать о ней самое главное, самое заветное, самое тайное. В наш век тайна эта коснулась Рубцова — и появилось слово, рубцовское слово. “Николай Рубцов — поэт долгожданный”, — удачно сказал Глеб Горбовский. И все от этой тайны Руси — и в стихах Рубцова, и во всем бытии России. И сам Рубцов — несказанное России.

“О стихах Рубцова трудно говорить, как трудно говорить о музыке, — сказал еще при жизни Рубцова известный поэт Егор Исаев, — слово его не столько обозначает предмет, сколько живет предметом, высказывается его состоянием”. Распознавать, разгадывать иероглиф поэзии-жизни Рубцова очень непростое дело: он подобно

глаголу провидца-старца прочитывается по мере того, как происходят события, предвозвещенные им. “Стихи его настигают душу внезапно. Они, как ветер, как зелень и синева, возникли из неба и земли и сами стали этой вечной синевой и зеленью”. (А. Романов). Лучший биограф Н. Рубцова, писатель Н.М. Коняев, как православный человек, по-своему разгадывает этот иероглиф Рубцова: “Стихи Рубцова — всегда попытка восстановления храма, это возведение церковных стен, вознесение куполов, это молитва, образующая церковное строение, и страшное ожидание окончательной гибели его”.

Все эти характеристики правильны... И все же вспоминается вот что: семидесятые годы, Советский Союз в зените славы и могущества: первенство в космических полетах, атомные субмарины, научные достижения, первоклассные фильмы и книги, стройки коммунизма... Но России, русской цивилизации, русскости как бы не существует, ибо в угоду интернационализму и советизму народов все русское искоренялось, изгонялось, запрещалось как некое проклятие. И вот вопреки этому замалчиванию и затиранию вдруг заговорил русский дух, русский гений. Писатели “деревенщики” Ф. Абрамов, В. Белов, В. Распутин и другие сказали свое слово о русской атлантиде, затопленной в глубинах Советского Союза. В это же время пророчески и властно заявила о себе муза Рубцова: “Видение на холме”, “Старая дорога”, “Русский огонек”, “Тихая моя Родина” — прозвучали как вещий знак свыше, как строгий зов опомниться и воссоздать Россию.

Следует сказать, что к счастью и чести Рубцова, когда ему пришлось преодолевать и морок коммунозабвения, и соблазн богемы и благовщины, он не позволил заглушить свой чистый голос сиплым кривлянием — и спел свою родниковую песнь. Русский нерв поэзии Рубцова — от русских же поэтов, от духа песенной России, от раздолья ее, от природы, от весны ее.

Исток поэзии Рубцова в деревне. Это родная вологодская деревня Никола, где он вырос. Всю жизнь свет этой деревни грел и питал душу Рубцова. Это Липин Бор, где он гостевал, это Ферапонтово, о котором сказалося :

И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...

Это вся деревенская вологодчина, это вся исконная Россия, древняя, пахотная, смиренная...

И вокруг любви непобедимой
К селам, соснам, ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как земля вокруг своей оси!..

Он знал значение деревни:

Мать России целой — деревушка,
Может быть, вот этот уголок...

Он имел право так говорить, он, который, как никто другой, чувствующий и деревню, и Россию.

О, сельские виды! О дивное счастье родится
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

О, эти сельские дивные чудеса — он, эта солнечная душа, жил ими, видел их вокруг, и без них он угасал.

Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг — везде о них тоскую.
И разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую...

Деревня Рубцова, это не просто деревня. Есть что-то мировое, вселенское в рубцовой деревне, а с нею во всей русской земле. Деревня и Россия, Россия и вселенная — вот масштаб Рубцова!

* * *

Вселенная Рубцова безкрайняя, но может вместиться и в горнице. Его “Горница” — некий ключ к поэтике Рубцова. “В горнице моей светло...”. В какой горнице? Где она у бездомного поэта? И слово-то какое! Не комната, не изба, а горница, горнее — в самом названии шифр к потаенному смыслу стихотворения. Тоска и желание о горнем мире, о вечном, где все живы, все цветет, все светит. Звездный мир, где от одной звезды в горнице светло. А может быть, это свет души матери? Ушедшая в запредельный мир, матушка жива и приносит воду. На стене, как знак оттуда, “ивы кружевная тень”. “Красные цветы”, которые поэт-мальчик вырастил и потом нес за гробом матери, и которые завяли — в том мире цветут, и поэт поливает их. И лодка воссоздается им. Мир воссоздания! Тот мир — откуда душа Рубцова, весенняя его душа. И память об этом мире жива в нем. И бодрая, свежая жизнь и в душе поэта, и перед его глазами. Стихи о матери, о судьбе, о звезде — горнее, неведомое, потаенное, негасимый свет в ночи.

О вещая моя душа!
О, сердце, полное тревоги
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так Тютчев, любимый поэт Рубцова, писал о своей душе. То же можно сказать и о Рубцове — вещая его душа “на пороге как бы двойного бытия”. Понимание этой его особенности многое проясняет, делает понятней его поэтику.

Не всякий цветок легко раскрывается навстречу нам. Стихи Рубцова, как те таинственные целомудренные цветы, загадочны, полны скрытого смысла за внешней своей непримечательностью. У Рубцова, как у всякого настоящего поэта свой язык. Более того, у него своя совершенно особенная символика. Ее почти не видно, ее как бы и нет. Но едва войдешь в его поэтику, и с глубокой думой о жизни, о России сердцем прикинешь к его речкам туманным, к его избам и звездным небесам, — как в звездном свете узришь знаки человеческих судеб, тайный незримый ход Руси, вселенскую думу о Боге. Так его слова “на том берегу” — это на том свете; “лодка” — путь преодоления, путь жизни; “омут” — нечто тяжкое, смертное; “весеннее” — символ воскресного, вечного. Рубцов — это символика, это вещее, это музыка и бесконечная любовь. Любовь к земному миру, где “душе моей земная веет святость”, где он “в святой обители природы”... Удивительное дело: при всей своей чуткости к мистическому, потустороннему, Рубцов всем существом любит этот мир, земную природу до слияния с ней в одно целое! И символика его сродни символике самой природы.

Всю жизнь поэта сопровождает небесное пение его музыки:

Славное время! Души моей лучшие годы,
Скачут ли свадьбы в глуши потрясенного бора,
Мчатся ли птицы, поднявшие крик над селеньем,
Льется ли чудное пение детского хора,
— О, моя жизнь! На душе не проходит волнение...

Слышит он горный мир — и поют его певучие стихи!
Как высок и как строг мир горный!

* * *

Нельзя не сказать о чисто рубцовском ощущении ночи. Это проникание к самым основам мироздания, где “хаос темный шевелится”, к истокам пространства и

времени. Кажется, ни у кого не было такого обостренного чувства угасания дня и наступления ночи, — ухода времени!

И, поднимаясь
В гаснущей дали,
Весь ужас ночи
Прямо за окошком
Как будто встанет
Вдруг из-под земли!
И так тревожно
В час перед набегом
Кромешной тьмы
Без жизни и следа,
Как будто солнце
Красное над снегом,
Огромное,
Погасло навсегда...

Это совершенно детское восприятие, но в этом и гений Рубцова! И ночь пришла — и смотрит на него, сама ночь...

Кто-то стонет всю ночь на кладбище,
Кто-то гибнет в буране — невмочь,
И мерещится мне, что в жилище
Кто-то пристально смотрит всю ночь...

Единоборство поэта и ночи: два мироздания, два пространства — одушевленное и неодушевленное — смотрят друг на друга...

И непременно перед сном
Весь ужас ночи за окном
Встает
.....
Зачем же, как сторожевые,
На эти грозные леса

В упор глядят глаза живые
Мои полночные глаза?

Нельзя отделаться от ощущения, что самое Вечность смотрит глазами поэта — смотрит в ночь, в русскую глубь, в русскую душу.

* * *

О, вид смиренный и родной!
Березы, избы по буграм
И, отраженный глубиной,
Как сон столетний, божий храм.
О, Русь — великий звездочет!
Как звезд не свергнуть с высоты,
Так век неслышно протечет,
Не тронув этой красоты,...

Тютчевское слышится в стихах Рубцова, но это все же Рубцов. Через деревню, через русскую природу Рубцов открывает нам свою Россию, с которой у него “самая жгучая, самая смертная связь”. Это прозрение в историческое прошлое, это смысл настоящего, это пророческий взгляд в будущее. Поэт полон постоянной тревоги и раздумий о России, о мироздании.

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!

Он знает о таинственной силе России, он ведаёт её трагическую судьбу... И является на свет Божий из-под его пера одно из поразительных пророчеств о России. О нашем времени, о “перестройке”, с точным указанием происходящего почти за 30 лет до случившегося.

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли

Со всех сторон нагрянули они
Иных времен татары и монголы.

Но Россия для чего-то нужна, она что-то должна совершить. Речь о великой русской жертвенности, о готовности России к жертвоприношению — лишь бы не было войны, лишь бы мир существовал. Его стихотворение “Русский огонек” — совсем непростой огонек. Оно на ту же тему, что и пророческий фильм Андрея Тарковского “Жертвоприношение”. В нем происходит значительный диалог между поэтом и деревенской русской женщиной, которая тревожится об угрозе войны.

Огнем, враждой
Земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
— Скажи, родимый, Будет ли война?
— И я сказал: — Наверное, не будет,
— Дай Бог, дай Бог...
Ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет...
.....
Весь этот белый свет
Быть может, встал пред нею в то мгновенье?

И нет России покоя — лишь бы не было войны... Рубцов, мальчиком пережив военное время, и похоронив тогда свою мать, нес в себе особую печаль этого времени — он знал страшную цену жертвоприношения России. Через это свое жертвоприношение Россия надеется на радостную весть о своем возрождении:

Снег летит по всей России,
Словно радостная весть.

Воскресная страна Россия. Сколько раз она возрождалась с нуля, начиналась сызнова! Вот и нынешнее время вопрошает: что там будет впереди? Жить ли России?

Старцы и молитвенники наши говорят о возрождении, о воскресении страны... А что же Рубцов? Коняев пишет, что у поэта была особенная, поворотная, какая-то вдохновенная поездка в мае-июне 1966 года на Алтай. В результате появились “странные” стихи “Весна на берегу Вии”, “Сибирь, как будто не Сибирь”... Вначале обычная весенняя картина:

Сколько сору прибило к березам
Разыгравшейся полой водой!

.....

Все купается, тонет, смеется,
Пробираясь в воде и в грязи!

Но что это? Вдруг появляются пророческие библейские интонации:

Говорю вам: — Услышат глухие!
— Говорю вам: — Прозреют слепые,
И дороги их будут легки...

И разве мы не видим, как в наши дни действительно прозревают слепые и слышат глухие, и возвращаются к вере, и приносят покаяние, и возводят храмы, и уже начинают (слава Богу!) понимать, что есть Россия. И Рубцов обращается в нынешнее время к нам и ободряет нас:

Мрак, метелица — все это было
И прошло, — улыбнись же скорей!
Улыбнись! — повторяю я милой —
Чтобы нас половодье не смыло,
Чтоб не зря с неизбывною силой
Солнце било фонтаном лучей!

Какое бодрое, весеннее стихотворение! Здесь не просто обычное весеннее солнце — это солнце воскресения Руси! Но вы еще в сомнениях, еще не доверяете своей догадке: действительно ли это вещие, пророческие слова? Отверсто ли его мистическое чувство и прочитывает

ли он письменна грядущего? Будет ли радужный рассвет над Россией или это мираж, и он “лопнет” как всякий мираж?

И вот другое знаковое стихотворение. Оно якобы о Сибири, но на самом деле оно обо всей России:

Сибирь, как будто не Сибирь!
Давно знакомый мир лучистый —
Воздушный, солнечный, цветистый,
Как мыльный радужный пузырь.
А вдруг он лопнет, этот мир?
Вот-вот рукою кто-то хлопнет —
И он пропал... Но бригадир,
Сказал уверенно : “не лопнет!”
Как набежавшей тучки тень,
Тотчас прошла моя тревога, —
На бригадира, как на Бога,
Смотрел я после целый день...

Чтобы мир наш не “лопнул” в недобрый час, есть Вечное, есть Святая Русь.

Поэт много пишет о звездах, и особенно — о звездности России: “Россия — звездный берег”, “Русь — великий звездочет” и т. д. Он как бы подчеркивает открывшуюся ему мистически особую связь России с звездным миром: как будто Россия — звездное окно, как будто Россия — на главном пути к звездам, к их вековечности, к Божией Вселенной.

* * *

В поэзии Рубцова (особенно в последний период творчества) противостоят две линии: одна ведет к жизни, к преодолению бед и препятствий; другая — уходящая, ночная, прощальная. Когда царит первая, поэт пишет от счастливого весеннего чувства, от “солнца в душе”.

Я отворял узорное оконце —
И все лучи, как сотни добрых рук,
Мне по утрам протягивало солнце.

Когда же иссякает эта радость и сила, стихи перестают звучать и писаться, надвигается ночное. Поэт предчувствовал трагическую свою кончину:

Когда-нибудь ужасной будет ночь,
И мне навстречу злобно и обидно
Такой буран засвищет, что невмочь,
Что станет свету белого не видно!
Но я пойду!

Тяжесть судьбы его подчас невыносима — и уже к самой черной страшной ночи он обращается с мольбой:

Дай под твоим я погреюсь крылом,
Ночь, черная ночь!

Но и самое тяжкое он принимает мужественно, и идет, и не сдается, и преодолевает свою судьбу — своими стихами!

Трудное, трудное — все забывается,
Светлые звезды горят!
Кто мне сказал, что во мгле заметленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны,
Кто это выдумал, друг?
В этой деревне огни не погашены.

Душа поэта жаждет вечного, он в постоянном восхождении к вечной любви!

Взойдет любовь на вечный срок
Душа не станет сиротлива!
Неувядаемый цветок!
Неувядаемая нива!